

ГУСТАВ ГУСАК В МОСКВЕ. 1945 ГОД

В. В. Марьина

Мар'їна В. В. Густав Гусак в Москві. 1945 рік. У статті описані обставини появи Гусака в Москві на початку 1945 року; розглянуто підготовлені ним в цей час документи, що стосуються Словацького національного повстання 1944 року і Словаччини; описано другий приїзд Гусака в Москву в березні 1945 року для обговорення програми сформованого тут чехословацького уряду; представлені погляди Гусака на державно-правовий устрій повоєнної Чехословаччини і статус в ній Словаччини; показано його ставлення до СРСР.

Ключові слова: Густав Гусак; Словацьке національне повстання; Словаччина; Чехословаччина; СРСР; Москва; 1945 рік.

Марьина В. В. Густав Гусак в Москве. 1945 год. В статье описаны обстоятельства появления Гусака в Москве в начале 1945 года; рассмотрены подготовленные им в это время документы, касающиеся Словацкого национального восстания 1944 года и Словакии; описан второй приезд Гусака в Москву в марте 1945 года для обсуждения программы сформированного здесь чехословацкого правительства; представлены взгляды Гусака на государственно-правовое устройство послевоенной Чехословакии и статус в ней Словакии; показано его отношение к СССР.

Ключевые слова: Густав Гусак; Словацкое национальное восстание; Словакия; Чехословакия; СССР; Москва; 1945 год.

Maryina V. V. Gustav Husak in Moscow. 1945. The article describes the circumstances of Husak's occurrence in Moscow in early 1945; reviews prepared at this time documents related to the Slovak national uprising of 1944 and Slovakia. The second arrival of Husak to Moscow in March 1945 for discussing the program of the formed here Czechoslovak government is described. The author presents the views of Husak on state-legal structure of post-war Czechoslovakia and the status of Slovakia; shows his attitude to the USSR.

Keywords: Gustav Husak; Slovak national uprising; Slovakia; Czechoslovakia; USSR; Moscow; 1945.

Густав Гусак – член нелегального керівництва Комуністическої партії Словакиї (*далее* – КПС)¹, член Словацького національного совета (*далее* – СНС), керівного органу Словацького національного повстання (*далее* – СНВ) 1944 р.² Як відомо, СНС ще в декабрі 1943 г. (так наз. «Різдвянське угоду») висловився за відновлення Чехословацької республіки (*далее* – ЧСР). Був згоден з цим і Гусак. Однак, не можна не відзначити, що серед словацьких комуністів ще і на завершальному етапі війни, особливо в зв'язі з наближенням Червоної армії до кордонів Словакиї, було багато прихильників лозунга «За радянську Словакію», висунутого нелегальним керівництвом КПС в травні 1941 г. Лозунг був підвергнутий критиці Заграничним бюро Комуністическої партії Чехословакиї (*далее* – ЗБ КПЧ) в Москві як чужий ізоляційний комуністів від мас. Але, за свідченням Г. Гусака, цей лозунг «сильно укореївся серед рядових працівників партії. Старі підпольні працівники... бачили в наближенні Радянської армії можливість виконання революційної мети словацького пролетаріату і часто висували питання про соціалістическу революцію і включення Словакиї в склад СРСР»³. І ще: «...члени партії цей лозунг сприймали як офіційну лінію партії, і треба сказати, приймали його з радістю... Що може бути краще для переконаного комуніста, ніж жити в соціалістическій республіці, зв'язаній з СРСР. І я розумів це точно також. Я взагалі не знав випадку, щоб хтось в ті роки в партії виступав проти [цього]»⁴. Ідея радянської, соціалістическої Словакиї ще не була знята з порядку дня⁵. Відомо, не могло не рахуватися з цим і керівництво КПС. В аналітическому огляді «Про розвиток і ситуацію в Словакиї», написаному, в основному, Гусаком для інформувати радянського керівництва і доставленому К. Шмідке в Москву в початку серпня 1944 г., в зв'язі з питанням про післявоєнний державно-правовий статус Словакиї, говорилося: «...найбільш бажана комбінація з СРСР, а якщо ЧСР, то національно федеративна і соціалістическа»⁶. І в той час

СНВ, по утверждению секретаря ЦК КПС Э. Фриша (июль 1945 г.), «компартия жила идеями борьбы за присоединение Словакии к СССР»⁷.

Но Москва тогда выдвигение социалистических лозунгов считала несвоевременным и вредным, а планов присоединения Словакии к Союзу Советских Социалистических Республик (*далее* – СССР) вообще не существовало. Наоборот, Москва сдерживала леворадикальные тенденции, проявлявшиеся в компартиях стран Восточной Европы. Намечалась более гибкая, чем прежде, линия проведения в этом регионе советской политики⁸. Она была рассчитана не на сиоиминутный, а постепенный результат при опоре на внутренние силы, активных борцов против фашизма, прежде всего коммунистов, занявших или поставивших цель занять прочные позиции в органах новой власти. При этом термины «советизация», «большевизация», «социалистическая революция», «социализм», «коммунизм», «диктатура пролетариата» были исключены из официального лексикона советских руководителей, партийных функционеров и прессы. Соответствующие инстанции внимательно следили за тем, чтобы к подобным выражениям при определении своей политической линии публично не прибегали и руководители «братских» коммунистических партий. Об этом свидетельствует такой пример. Для Г. Димитрова, возглавлявшего Отдел международной информации (*далее* – ОМИ) Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (*далее* – ЦК ВКП(б), в ноябре 1944 г. был подготовлен обзор словацкой повстанческой «Правды» с критикой статей некоторых авторов за их леворадикальные взгляды и употребление таких выражений, из которых можно было сделать вывод, что борьба против фашизма идет одновременно якобы и за установление социализма. «Эти формулировки и положения, – делал вывод автор записки, – не могут способствовать расширению базы национально-освободительной борьбы в Словакии, а посему считаю необходимым подправить словацких товарищей»⁹.

По всей видимости, именно после того, как этот критический обзор попал на стол Г. Димитрова, в декабре 1944 г. состоялась его встреча с рядом находившихся в СССР чешских и словацких коммунистов. Официальная линия Кремля на создание именно дружественных несоединенных (народно-демократических, по терминологии того времени) государств на западных границах Советского Союза была тогда отчетливо сформулирована Г. Димитровым (куратором Отдела являлся нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов): «Вопрос советизации Чехословакии не ставить. Сегодня не будем гадать, когда придет время, чтобы поставить вопрос о советизации Чехословакии. Это не так легко, как многие думают. Чехи и словаки должны сами вступить на путь к советской власти, собственным развитием. И мы также должны подвести народ к социализму и советской власти, систематически подготавливая его политически, идеологически. Те люди в Словакии, которые чересчур спешат в отношении советской власти, должны быть попридержаны. Как Сталин правильно сказал: нужно идти шаг за шагом и прежде, чем сделать следующий шаг, нужно закрепить завоеванные позиции»¹⁰. Тогда Димитров определенно высказался за сосуществование чехов и словаков в едином Чехословацком государстве, причем не исключалось его строительство на федеративных началах. Государственно-правовое устройство восстановленной ЧСР Димитрову виделось следующим образом: «Полагаю, что наилучшим решением вопроса о взаимоотношениях чехов и словаков в освобожденной ЧСР было бы, чтобы чехи и словаки находились в равноправном положении, чтобы в Чехии имело чешское правительство, а в Словакии – словацкое правительство, и чтобы было совместное федеративное чехословацкое правительство. Чтобы существовал парламент чешский и парламент словацкий, и, кроме того, общий парламент чехословацкий»¹¹.

Заграничное бюро Коммунистической партии Чехословакии (*далее* – ЗБ КПЧ), развернувшее свою деятельность в Москве еще в 1939 г., приняло линию Москвы, как руководство к действию. В 1944–1945 гг. в связи с близящимся освобождением Чехословакии (Словакии и Чешских земель) Красной армией этот виртуальный план начал постепенно приобретать конкретные очертания. Разработки ЗБ КПЧ, как следует из опубликованных документов и архивных материалов, проходили через руки Димитрова¹². Видимо, уже осенью того же года стал обдумываться вопрос о составе будущего правительства восстановленной ЧСР. В связи с этим были подготовлены и характеристики на членов СНС: К. Шмидке, Г. Гусака, Л. Новомеского, В. Шробара, Я. Урсини, Й. Леттриха и др. Все они, и коммунисты, и представители буржуазных группировок, характеризовались положитель-

но как участники национально-освободительной борьбы в Словакии. ОМИ получил от ЗБ КПЧ сведения о членах ЦК КПС (в том числе и Гусака), избранных на Объединительном съезде словацких коммунистов и социал-демократов в сентябре 1944 г.¹³

Как известно, Словацкое национальное восстание потерпело поражение. Часть его участников ушла в горы и продолжала борьбу партизанскими методами, часть разошлась по домам, часть попала в плен к немецко-фашистским оккупантам. Г. Гусак, как и другие руководители восстания, ушел в горы. Вплоть до прихода советских войск он скрывался у местного населения. 21 декабря 1944 г. деревня, где находился Гусак, по его словам, была освобождена Красной армией. Он обратился к одному из офицеров с просьбой информировать Москву о своем местонахождении, а затем отправить на освобожденную территорию Восточной Словакии. Здесь, как полагал Гусак, он сможет принять участие в деятельности делегации СНС по налаживанию мирной жизни. 23 декабря Гусак был отправлен в штаб 2-го Украинского фронта (командующий маршал Р. Я. Малиновский), куда прибыл 26 декабря. В течение месяца, до 25 января 1945 г., органы управления фронта «работали» с Гусаком, проверяя его личность и используя полученную от него информацию о положении в Словакии в оперативных целях¹⁴. Затем он был переправлен сначала в Михаловце (Восточная Словакия), а оттуда в Москву, куда прибыл, по его словам, 31 января 1945 г. Здесь Гусак некоторое время, по всей видимости, находился в следственном изоляторе (*далее* – СИЗО) НКВД в целях подтверждения его личности. Несколько раз с ним виделся руководитель ЗБ КПЧ К. Готвальд, который попросил письменно изложить его взгляд на подготовку и ход СНВ, политическое и экономическое положение Словакии, отношения словаков и чехов и т.д. Документы РГАСПИ и АВП РФ свидетельствуют, что Гусаком собственноручно были написаны две справки. Одна, более короткая, на немецком языке, «Политическая ситуация в Словакии (в конце 1944 г.)», была, вероятно, написана еще во время пребывания Гусака в распоряжении войск 2-го Украинского фронта и направлена в Главное политическое управление рабоче-крестьянской Красной армии (*далее* – ГлавПУРККА) и разведывательное управление Генерального штаба Красной армии¹⁵. Перевод этой справки на русский язык ОМИ ЦК ВКП(б) получил 3 февраля 1945 г. В сопроводительной записке, подписанной генерал-полковником Ф. Кузнецовым (Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии), говорилось: «Посылаю Вам перевод собственноручного доклада д-ра Гусак Густава. Приложение: упомянутое на 16 стр.». В документе рассматривались следующие вопросы: 1. Словакия как самостоятельное государство. 2. Фашистская партия. 3. Силы антифашистского движения в Словакии. 4. Словацкая народная рада [Словацкий национальный совет – В. М.]. 5. Словацкая армия. 6. Словацкие партизаны. 7. Словацкое восстание. 8. Славянские традиции в Словакии. 9. Словаки и чехи. 10. Выводы¹⁶.

Другая, более пространная информация «О положении в Словакии» (напечатана на пишущей машинке и датирована 5 февраля 1945 г.), была подготовлена Гусаком по просьбе К. Готвальда для ЗБ КПЧ. Перевод этого документа на русский язык (90 страниц) ОМИ ЦК ВКП(б) получил 20 февраля того же года¹⁷. Автор касался следующих вопросов: 1. Краткий обзор возникновения и развития Словацкой республики. 2. Характеристика правящей Глинковской словацкой народной партии. 3. Роль и влияние католицизма. 4. Заметки об экономическом положении Словакии, в том числе о развитии промышленного производства. 5. Идея самобытности словацкого народа и словацкой государственности. 6. Коммунистическая партия Словакии. 7. Прочая оппозиция в Словакии. 8. Словацкий национальный совет. 8. Словацкое национальное восстание (самый большой раздел). 9. Партизаны¹⁸. 10. Причины военного поражения восстания. 11. После восстания. 12. Баланс восстания. Сравнение обоих документов показывает, что первый из них содержал более радикальные оценки и мнения относительно политики КПС и настроений в Словакии, нежели второй. Аннотация обоих документов была представлена Г. Димитрову 8 марта 1945 г. и внимательно им изучена. Особый его интерес, судя по сделанным им пометам, вызвала оценка политики и влияния КПС, а именно: «ведет за собой весь рабочий класс, значительную часть интеллигенции и мелких крестьян»; программа партии после ее объединения с социал-демократами «является марксистско-ленинской»; рабочие массы считают СССР «образцом в разрешении социальных и экономических вопросов»; «славянские традиции и социалистическая ориентация играют большую роль в Словакии»;

КПС «ставит на первое место в своей работе борьбу против немцев и предателей, однако она не может забывать о своей ответственности и за достижение своих дальнейших политических целей»¹⁹.

Г. Гусак находился в Москве примерно три недели и за это время неоднократно встречался с Готвальдом. Обсуждались вопросы политики КПЧ/КПС на освобожденной территории ЧСР (Словакии) и программные цели обеих компартий. Из бесед с Готвальдом Гусак получил и более четкие представления о позиции советского руководства по вопросам политики СССР в странах, на территорию которых с освободительной миссией вступала Красная армия. Именно в это время, 23 января 1945 г., состоялась встреча Готвальда со Сталиным, о которой мало что известно в историографии, поскольку Готвальд не оставил мемуаров. Встреча проходила сначала вечером в Кремле в кабинете В. М. Молотова, на которой присутствовал и Сталин. Речь шла о положении в Закарпатье, и Сталин в присутствии Готвальда продиктовал известное письмо Э. Бенешу о будущем этого края²⁰. Затем встреча продолжилась на даче у Сталина, куда советский лидер пригласил Готвальда, и где обсуждались другие вопросы. Надо заметить, что к тому времени Сталин уже встречался с некоторыми коммунистическими политическими деятелями стран Восточной Европы: А. Паукер и Г. Георгиу-Дежем (Румыния), А. Хебрангом (Югославия). К началу 1945 г. существовали просоветские правительства в Польше, Болгарии, Венгрии, Югославии. В январе 1945 г. Красная Армия вела активные боевые действия на территории Восточной Словакии: 20 января Москва салютовала войскам 4-го Украинского фронта, освободившим словацкие города Прешов, Кошице, Бардейов²¹.

Пригласив Готвальда к себе на дачу, Сталин, видимо, хотел составить личное впечатление о лидере чехословацких коммунистов и дать ему соответствующие рекомендации. Давались ли Готвальду какие-либо советы, касающиеся политики КПЧ в освобожденной стране, доподлинно не известно. Но можно предположить, что, если не прямо, то косвенно, давались. Готвальд был достаточно опытным политиком, чтобы уловить смысл сказанного советским руководителем. О встрече Готвальд, видимо, рассказал своему ближайшему сподвижнику В. Копецкому, который коротко упомянул об этом в пропагандистской брошюре, посвященной 50-летию Готвальда (1946 г.). Товарищ Готвальд, – писал Копецкий, – пришел к товарищу Сталину в половине первого ночи, и их разговор продолжался целых шесть часов, до семи часов утра. Во время шестичасовой беседы, которая, судя по описанию, проходила в очень непринужденной обстановке, по словам Копецкого, «товарищ Готвальд обсудил с маршалом Сталиным много важных вопросов»²².

О содержательной стороне встречи Готвальда со Сталиным упомянул в своей книге о СНВ и Гусак. По его словам, во время беседы со Сталиным велась дискуссия по основным вопросам политики партии в период освобождения страны и после него. Сталин советовал Готвальду проявлять максимум осторожности и тактичности, например, при решении словацкого вопроса, рекомендовал считаться с Бенешем (он готовился в это время к возвращению через СССР на освобожденную территорию ЧСР), достигнуть договоренности с ним как с президентом. «После осложнений вокруг польского вопроса, – писал Гусак, – когда разрыв с польским эмигрантским правительством в Лондоне оказал весьма отрицательное воздействие и на совместные действия с западными союзниками, Сталин хотел избежать аналогичных проблем и осложнений с Бенешем и его правительством, тем более, что это было единственное эмигрантское правительство, заключившее союзнический пакт с СССР»²³.

«В беседах с Готвальдом, – вспоминал Гусак, – мы главным образом обсуждали, насколько далеко мы можем заходить в Словакии при решении отдельных вопросов, чтобы словацкий козырь оказался решающим на совещании с лондонскими деятелями, какие границы не следует переходить, чтобы не нарушить планов общегосударственного соглашения с Бенешем»²⁴. Одним из наиболее дискутируемых в среде чешской и словацкой коммунистической эмиграции в Москве во время нахождения там Гусака был вопрос о государственно-правовом статусе Словакии в освобожденной ЧСР. Впоследствии Гусак так вспоминал об этом: «Чехословацкие коммунисты в Москве жили в то время – февраль 1945 г. – под впечатлением точки зрения Г. Димитрова в отношении Чехословакии: у огромного большинства товарищей, с которыми я беседовал, была идея о федеративном государственно-правовом устройстве Чехословацкой республики. Это было коммунисти-

ческим решением, по примеру СССР, по этому пути уже пошла в то время и Югославия. Лучшего решения никто не знал. Руководство Коммунистической партии Словакии в период восстания практически отстаивало эту точку зрения, хотя термин «федерация» мы не использовали, имея в виду Лондон²⁵. Так полагал в период восстания Шверма²⁶, с этим мнением я встретился в Москве. И Готвальд был в то время в принципе за федеративное решение». Но он, по словам Гусака, опасался того, как к этому отнесутся в чешских землях, где в результате нацистской оккупации обострились национальные чувства и усилились антисловацкие настроения²⁷. Кстати, и Гусак, указывая в упомянутой информации от 5 февраля 1945 г. на возросшее самосознание словацкого народа, отмечал, что в начале восстания идея восстановления ЧСР на основе равноправного сотрудничества чехов и словаков воспринималась с прохладцей и даже отвергалась: «сильно ослабли взаимные связи этих двух народов, огромное недоверие пролегло между ними».

После трехнедельного пребывания в Москве Гусак 20 февраля 1945 г. вернулся в Словакию (г. Кошице), на освобожденной к тому времени территории которой действовала делегация СНС. Она занималась налаживанием мирной жизни в освобожденных районах. По прибытии в Кошице Г. Гусак и прилетевший с ним из Москвы словацкий коммунист Э. Фриш сразу же предложили провести рабочую конференцию КПС: «Возникла необходимость правильно ориентировать всю партию на освобожденной территории, дать ей единую линию по всем принципиальным вопросам, укрепить единое руководство партии и довести ее линию до каждой организации, до каждого члена партии»²⁸. Конференция была организована в течение недели и состоялась 28 февраля – 1 марта 1945 г. в Кошице. С основным докладом на ней выступил К. Шмидке, текст доклада был подготовлен Г. Гусаком. Согласно его воспоминаниям, «положения, приводимые в докладе, или вытекали из предложений Готвальда, или являлись результатом совместного обсуждения»²⁹. Надо сказать, что Гусак с большим пиететом и доверием относился к Готвальду, и, как представляется, пользовался симпатией лидера КПЧ и некоторое время его поддержкой. Ни в докладе Гусака, ни в принятых конференцией документах не было ни слова о социалистических задачах партии, о строительстве социализма в стране как цели КПС в будущем, о классовой борьбе и диктатуре пролетариата и т.д. Основной задачей КПС и всех демократических сил Словакии на ближайшее время считались «мобилизация и напряжение всех материальных и моральных сил нашего народа ради освобождения всей Словакии и всей ЧСР»³⁰. Конференция направила поздравительные телеграммы И. В. Сталину и К. Готвальду. В первой от имени словацких коммунистов и всего словацкого народа выражалась благодарность Красной армии-освободительнице, которая «под Вашим мудрым и гениальным руководством завоевывает свою историческую победу в борьбе против немецкого империализма». Участники конференции заверяли советского лидера, что словацкие коммунисты приложат все силы, чтобы помочь Красной армии в этой борьбе и чтобы новая демократическая Чехословакия всегда была связана неразрывными узами братства с народами Советского Союза. В телеграмме К. Готвальду говорилось, что словацкие трудящиеся видят в нем «главу Коммунистической партии Чехословакии и самого активного борца за свободу чешского и словацкого народа в новой Чехословацкой республике»³¹.

А 5 марта 1945 г. Г. Гусак в составе делегации СНС снова отправился в Москву. Здесь ожидалось прибытие проездом на родину «группы лондонцев» во главе с Э. Бенешем для обсуждения с представителями ЗБ КПЧ вопросов, касавшихся создания нового правительства Национального фронта чехов и словаков и его программы. В делегацию СНС входили по три представителя от КПС (Г. Гусак, Л. Новомеский, бывший социал-демократ Й. Шолтес) и словацкой Демократической партии (Я. Урсини, Й. Стык, В. Шпробар). Переговоры состоялись во второй половине марта 1945 г.

В основу обсуждения был положен проект правительственной программы, предложенный ЗБ КПЧ. Бенеш не принимал участия в обсуждении, но был в курсе того, как оно происходило, поскольку встречался по отдельности с представителями разных заинтересованных сторон. Состоялась его беседа и с делегацией СНС, которая получила от президента обещание не употреблять термин «чехословацкая нация», а говорить чехи и словаки. Но компромисс достигался с трудом. Раздел проекта программы, касавшийся словацкого вопроса (делегация СНС участвовала в обсуждении только этого раздела), вызвал наиболее жаркие дебаты, которые продолжались три дня. Позиция Готваль-

да по словацкому вопросу, согласно воспоминаниям Гусака, претерпела к этому времени определенные изменения. Он должен был договориться с Бенешем, стремился к этому и поэтому «не хотел даже поднимать вопрос о федеративном решении». «То, что у вас имеется в Словакии, сохраните, – советовал Готвальд. – Тем самым положение словаков временно решается. Позднее мы увидим, какова будет ситуация и сможем опять вернуться к этому вопросу». По словам Гусака, «он настаивал, чтобы мы уступили, чтобы мы не затрудняли достижение общей договоренности. Мы уступили...»³². В конце концов, компромисса удалось достичь. Однако это вовсе не означало, что стороны сдали свои позиции. Каждая из них осталась при своем видении государственно-правового устройства ЧСР и надеялась реализовать его в будущем, что, естественно, было чревато новыми спорами и столкновениями взглядов. Их острота и результаты зависели от грядущей расстановки политических сил в стране³³.

Советские руководители были знакомы с проектом правительственной программы, выработанной ЗБ КПЧ. К. Готвальд представил его Г. Димитрову, который, судя по сделанным им пометам, внимательно изучил документ. Раздел о государственном устройстве ЧСР не вызвал его возражений³⁴. На одном экземпляре проекта, переданном в ОМИ ЦК ВКП(б), рукой Димитрова написано «Тов. И. В. Сталину»³⁵. Можно предположить, что материал побывал и на его столе. В. М. Молотов также ознакомился с проектом. Его немногочисленные пометы на полях документа свидетельствуют, что он обратил внимание на раздел о государственном устройстве ЧСР: «Два гос-ва (чехи+словаки)»³⁶. Трудно сказать, что имел при этом в виду советский нарком, и тем более невозможно понять положительно или отрицательно отнесся он к планам решения вопроса о чешско-словацких отношениях. Массу замечаний по проекту высказал заведующий IV Европейским отделом Народного комиссариата внутренних дел (*далее* – НКВД) СССР В. А. Зорин, который в конце марта был назначен советским послом в Чехословакии. Резкой его критике подвергся и раздел проекта по государственно-правовому устройству ЧСР: во всей главе «хоть и говорится о равноправии чешского и словацкого народов, вопрос государственных форм и их дальнейшего существования поставлен очень туманно: не упоминается ни об автономии Словакии, ни о федеративном объединении Чехии и Словакии». И далее: «В интересах преодоления словацкого сепаратизма... необходимо однозначно определить будущие государственные формы положения Словакии в рамках единого Чехословацкого государства. Кроме того, совершенно необходимо сформулировать обязательство об обеспечении прав национальных меньшинств (прежде всего, украинцев и русин)»³⁷. Делая эти замечания, Зорин, естественно, исходил из опыта государственного устройства СССР. И он был, конечно, прав, полагая, что расплывчатость формулировок, свойственная этой части проекта, чревата осложнениями в будущем. Но в то же время такая категоричность оценок не поддается разумному объяснению. Зорин, который, конечно, был в курсе противоречивых взглядов на вопрос о форме государственно-правового устройства ЧСР, не мог не понимать, что выдвигание требования немедленной федерализации страны может привести к срыву переговоров о создании правительства Национального фронта чехов и словаков, что тогда не входило в интересы СССР. Возможно, это было личное мнение Зорина, которое предназначалось для «внутреннего потребления» и не подлежало доведению до сведения авторов проекта. Как бы то ни было, но замечания Зорина о государственно-правовом устройстве ЧСР не были учтены в окончательной редакции программы правительства Национального фронта чехов и словаков. В состав согласованного в ходе переговоров правительства, которое возглавил сложивший с себя дипломатические полномочия чехословацкий посол в СССР З. Фирлингер, вошло 25 человек: 16 чехов и 9 словаков. К. Готвальд (КПЧ) и В. Широкий (КПС) заняли посты заместителей председателя кабинета. По совету Готвальда, руководители СНВ и члены СНС, в том числе Гусак, Новомеский, Шмидке, остались для непосредственной работы в Словакии как знающие там обстановку.

В конце официального визита Бенеша в Москве (он дважды встречался с Молотовым, чтобы обсудить текущие вопросы советско-чехословацких отношений и послевоенного сотрудничества обеих стран) 28 марта 1945 г. в Георгиевском зале (по другим данным – в Екатерининском зале) Большого Кремлевского дворца И. В. Сталин дал торжественный обед в честь чехословацкой делегации. «Присутствовали – вспоминал Г. Гусак, – почти все выдающиеся политические и военные деятели СССР и ведущие представители чехосло-

вацкой политической жизни... Около Сталина с одной стороны сидел Бенеш, а с другой – безусловно, не случайно, Шробар³⁸. Сталин был целый вечер занят Шробаром. Ему нравился этот благородного вида старец; он был веселым собеседником, курил сигары и пил наравне со Сталиным. Бенеш при каждом из бесконечных тостов лишь пригублял, а потом ставил бокал на стол. Сталин и Шробар честно выпивали. Сталин, постаревший, седой, восхищался жизненной силой почти 80-летнего Шробара. После ужина он пригласил нас в кино. Шробара он взял под руку, вывел его и посадил рядом с собой³⁹. Во время обеда Сталин произнес два тоста. Оба они были записаны некоторыми из официально присутствующих лиц, в том числе и секретарем Молотова Б. Ф. Подчеробом⁴⁰. Записал один из тостов, возможно, по памяти, и Гусак. Во всяком случае, в его воспоминаниях смысл сказанного Сталиным не расходится с тогда не известной записью Подчероба. Согласно Гусаку, Сталин говорил: «Вы все хвалите Красную армию. Конечно, ее есть за что хвалить. Но не забывайте, что и солдаты – тоже люди. А наши солдаты, прежде чем прийти к вам, прошли много тысяч километров. С жестокими боями. Они видели уничтоженными свои города и села. Убитые или угнанные семьи. Они прошли через невероятные людские страдания. Не удивляйтесь, если после всего этого некоторые из них иногда выходят из колеи, обычной для нормальной жизни. Поймите это, а я вас прошу за них: извините их». «На меня эти слова. – вспоминал Гусак, – воздействовали необычайно сильно. Главнокомандующий победоносной армии, которая приносит свободу десяткам народов и уничтожила могущественнейшую армию на свете, извиняется за возможные мелкие провинности своих солдат!»⁴¹. Второй, не записанный Гусаком тост Сталина, был за «новых славянофилов». В отличие от старых славянофилов, которых советский лидер назвал реакционерами за то, что они «выступали за объединение всех славянских народов в одном государстве под эгидой русского народа», новые славянофилы, по его мнению, стоят за «союз независимых славянских государств... Мы, новые славянофилы, являемся коммунистами, если хотите – большевиками. Про нас думают, что мы хотим установить повсюду советский строй. Это не так... Мы хотим, чтобы каждый народ имел тот строй, которого он достоин. Мы не собираемся вводить в Чехословакии советский строй»⁴². Как уже говорилось, тогда ни Сталин, ни кто-либо другой из советских руководителей не собиравшийся немедленно «вводить» советский строй на территориях, освобожденных Красной армией и оказавшихся в сфере влияния СССР. Думается, что тогда Сталин был искренен в своих заявлениях, хотя мысль о том, что раньше или позднее дело до этого дойдет, видимо, не покидала его. Время установления строя советского образца пришло с изменением расстановки политических сил в мире, с началом холодной войны. Активнейшими проводниками этой идеи в жизнь являлись национальные компартии, в том числе КПЧ и КПС.

31 марта 1945 г. сформированные на переговорах в Москве правительство и Бенеш отправились на родину. 4 апреля они прибыли в г. Кошице (Восточная Словакия), где 5 апреля на заседании СНС была обнародована новая правительственная программа, получившая наименование Кошицкая. Готвальд огласил раздел о государственном устройстве ЧСР, назвав его Magna Charta («Великая Хартия») словацкого народа. Гусак впоследствии вспоминал: «Это название... нас удивило. Оно нам не очень понравилось... слово “великая” нам казалось слишком напыщенным. А Хартии (перечень свобод) феодалы обычно дарили своим вассалам. Такого решения словацкого вопроса, как оно было сформулировано в правительственной программе, словацкий народ добился в борьбе. Никто ему ничего не дарил. Однако название осталось»⁴³. Привилось оно и в чехословацкой «марксистской» историографии, где использовалось в течение последующих 45 лет для обозначения полученного в момент восстановления ЧСР равноправия словацкого и чешского народов. На идею федерализации чехословацкого государства долгое время было наложено табу, а ее сторонники, получившие клеймо словацких буржуазных националистов, в начале 1950-х годов либо были расстреляны, как В. Клементис (министр иностранных дел ЧСР), либо посажены в тюрьмы, как Г. Гусак, Л. Новомеский и др. Только после августовских событий 1968 г. Г. Гусак снова оказался в Москве, куда был доставлен по распоряжению советских властей вместе с другими активными деятелями «пражской весны». Сторонник компромиссного решения конфликтной с СССР ситуации, он, по всей видимости, получил от советского руководства заверения в поддержке своих стремлений превратить Чехословакию в федеративное государство. В день независимости ЧСР 28 октября 1968 г. спешно

был принят закон о федерализации страны, который вступил в силу 1 января 1969 г. Его разработкой с весны 1968 г. и проведением в жизнь активно занимался Г. Гусак. Вскоре он стал первым (1969 г.), а затем генеральным (1971–1987 гг.) секретарем ЦК КПЧ. Густав Гусак – последний президент ЧССР и единственный словак на этой должности (1975–1989 гг.). Но это уже другая страница политической биографии Гусака и истории советско-чехословацких отношений.

Как свидетельствуют известные автору материалы, да и вся политическая жизнь Г. Гусака, он был искренним другом Советского Союза. Свое отношение к СССР он выразил в письме А. Новотному с просьбой о реабилитации (декабрь 1962 г.). Гусак характеризовал это отношение так: «В международном коммунистическом движении отношение к СССР рассматривается как пробный камень пролетарского интернационализма и всей партии, и отдельных людей. Хочу сказать несколько слов о себе в этой связи. С младых лет я был верным другом Советского Союза, горячим пропагандистом идей Октябрьской революции и Коммунистической партии Советского Союза. Никогда ни на минуту я в этом своем отношении к СССР не проявил колебаний. Ни в период моей активной политической деятельности, ни в тюрьме, ни сегодня... Вся моя жизнь была проникнута любовью и преданностью ко всему советскому и русскому, начиная с политических отношений и кончая культурой, литературой и личным отношением... Я всегда был и останусь верным сторонником СССР»⁴⁴. Это было кредо Густава Гусака, коммуниста, политика и человека, кредо, которому он следовал всю свою жизнь, возможно, несколько поколебленное в период советской перестройки, к которой он относился с определенным сомнением и недоверием.

¹ В годы Второй мировой войны и существования Словацкой республики словацкая компартия была выделена из Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) как самостоятельная организация (КПС). После победы коммунистов в ЧСР в феврале 1948 г. КПС снова была объединена с КПЧ.

² Г. Гусак, член компартии с 1933 г., член ЦК КПЧ, депутат Национального собрания ЧСР, был без предъявления обвинения арестован в начале 1951 г., а в 1954 г. осужден на пожизненное заключение. С 1951 по 1960 г. он провел в тюрьме. По амнистии 9 мая 1960 г. Г. Гусак вышел на свободу под подписку о невыезде, а 17 февраля 1961 г. на основе личного помилования президента ему было возвращено чехословацкое гражданство. Восстановлен он был и в компартии. Г. Гусак, конечно, не был словацким «буржуазным националистом», но то, что он являлся словацким патриотом, политиком, отстаивавшим национальные интересы словацкого народа, нет сомнения.

³ Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании / Перевод со словацкого. – М.: Правда, 1969. – С. 68.

⁴ Цит. по: Machaček M. Gustáv Husák a štátoprávní otázka Slovenska do roku 1948 // Slavomír Michálek, Miroslav Londák a kol. Gustáv Husák. Moc politiky, politik moci. – Bratislava: VEDA. Vyd-vo Slovenskej akadémie vied, 2013. – S. 341.

⁵ Husák G. Z bojů o dnešek. 1944–1950. – Praha: Svoboda, 1973. – S. 23.

⁶ Prečan V. «O vývoji a situácii na Slovensku». Rozbor pripravený pro Šmidkeho moskovskou misi v letě 1944 // Svědectví. – 1979. – № 58. – S. 382.

⁷ Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ), ф. 0138, оп. 26а, п. 139, д. 4, л. 6.

⁸ СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг.: Документы: В 2-х томах. – М.: Международные отношения, 1996. – Т. 1: СССР и германский вопрос 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. – С. 342, 353, 595–596.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 495, оп. 74, д. 554, л. 62–75.

¹⁰ Sborník dokumentů k dějinám KSČ v letech 1938–1945. – Praha: Vysoká škola politická ÚV KSČ, 1965. – Díl 4. – S. 17–18.

¹¹ Cesta ke Květnu. Dokumenty o vzniku a vývoji lidové demokracie v Československu do Února 1948. 1–2 / Ed. M. Klimeš, P. Lesjuk, I. Malá, V. Prečan. – Praha, 1965. – S. 519 (примечание 5 к док. № 171).

¹² РГАСПИ, ф. 495, оп. 74, д. 551, л. 19–27.

¹³ Там же, ф. 17, оп. 128, д. 774, л. 1–8.

¹⁴ Информацию о «переходе Гусака на нашу сторону в Чехословакии» С. А. Лозовский, руководитель Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), получил от Главного политического управления рабоче-крестьянской Красной армии (ГлавПУРККА) 11 января 1945 г. (АВП РФ, ф. 0138, оп. 26, п. 134, д. 24, л. 3–4).

¹⁵ 11 января 1945 г. Лозовский получил и доклад Гусака, который поступил также А. Я. Вышинскому и В. А. Зорину (Там же).

¹⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 774, л. 54–70.

¹⁷ Там же, л. 128–218.

¹⁸ Этот раздел, написанный в критическом тоне, был изъят из публикации документа в 1965 г. (Slovenské národné povstanie. Dokumenty / Ed. V. Prečan. – Bratislava: Vyd-vo politickej literatúry, 1965. – S. 944–976) и опубликован чешским историком В. Пречаном сначала за границей, а затем в Чешской республике (*Prečan V. Slovensko od Mnichova 1938 do porážky povstání očima Gustáva Husáka. Dvě zprávy a jejich osudy // Česko-Slovenská historická ročenka 2012.* – Bratislava: Vyd. V. Honec, 2013. – S. 237–311).

¹⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 557, л. 21–40; д. 774, л. 234–253.

²⁰ См. подробнее: *Марьина В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. Документальный очерк. – М.: Индрик, 2003. – С. 129–135.

²¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. – Т. 4. – Кн. 2. – М.: Наука, 1983. – С. 276–277 (далее – ДМИСЧО 4–2).

²² *Kopecký V.* Gottwald v Moskvě. – 2 vyd. – Praha: Svoboda, 1948. – S. 46–47.

²³ *Гусак Г.* Свидетельство о Словацком национальном восстании. – С. 789–790.

²⁴ Там же. – С. 792.

²⁵ Гусак имел в виду позицию чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне, теорию Бенеша о едином чехословацком народе и планы децентрализации ЧСР на административно-территориальной основе.

²⁶ Ян Шверма – видный словацкий коммунистический деятель, член ЗБ КПЧ, посланный в Словакию во время восстания и погибший при отступлении повстанцев в горы после военного поражения СНВ.

²⁷ *Гусак Г.* Свидетельство о Словацком национальном восстании. – С. 789–790.

²⁸ Там же. – С. 798.

²⁹ Там же. – С. 792.

³⁰ *Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferencií a plén 1944–1948 / Ed. Marta Vartiková.* – Bratislava: Pravda, 1971. – S. 80.

³¹ *Ibid.* – S. 120–121.

³² *Гусак Г.* Свидетельство о Словацком национальном восстании. – С. 832–833.

³³ Подробнее см.: *Марьина В. В.* Чехи и словаки в возрожденной Чехословацкой республике // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. – М.: Наука, 2004. – С. 113–152.

³⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 74, д. 557, л. 41–65.

³⁵ Там же, д. 714, л. 3.

³⁶ Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953. – Т. 1: 1944–1948. Документы. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 177.

³⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 51, д. 822, л. 1–3.

³⁸ Вполне вероятно, что такое размещение представителей чехословацкой делегации, было заранее продумано: с одной стороны Сталина – чех, с другой – словак.

³⁹ *Гусак Г.* Свидетельство о Словацком национальном восстании. – С. 838–839.

⁴⁰ Документ см.: *Марьина В. В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. – Кн. 2: 1941–1945 гг. – М.: Индрик, 2009. – С. 411–412.

⁴¹ *Гусак Г.* Свидетельство о Словацком национальном восстании. – С. 839–840.

⁴² Архив Президента Российской Федерации, ф. 45, оп. 1, д. 393, л. 57–59.

⁴³ *Гусак Г.* Свидетельство о Словацком национальном восстании. – С. 847.

⁴⁴ *Žiadosť o preverenie procesu a rehabilitáciu. Ústředný výbor KSČ k rukam s. A. Novotného, I. taj. ÚV KSČ v Praze.* – Bratislava, 20.XII.1962. – S. 47, 58–64. Личный архив автора, машинописная копия, 64 с.

Список сокращений

ГлавПУРРКА – Главное политическое управление рабоче-крестьянской Красной армии
ЗБ КПЧ – Заграничное бюро Коммунистической партии Чехословакии
КПС – Коммунистическая партия Словакии
КПЧ – Коммунистическая партия Чехословакии
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
ОМИ – Отдел международной инфорзмации
СИЗО – следственный изолятор
СНВ – Словацкое национальное восстание
СНС – Словацкий национальный совет
СССР – Союз советский социалистический республик
ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ЧСР – Чехословацкая республика
ЧССР – Чехословацкая социалистическая республика